

ДЕЛЕГАТЫ ПЯТОГО ВСЕРОССИЙСКОГО

О
Ч
Е
Р
К

Григорий Иванович, облокотившись на подоконник, жадно вдыхал свежий воздух. Все эти дни шла усиленная борьба с недугом. И только вчера врач разрешил ему пройтись по комнате. В открытое окно, обращенное к палисаднику, до него доносились станичные шумы. То протарахтит арба, то пройдут горцы, о чем-то оживленно споря.

В Баталпашинке спокойно. А еще совсем недавно тут с гиком проносились конники, свистели клинки, багровели булыжники от человеческой крови. «Не-ет. Не тишина это,— вздыхает Григорий Иванович,— временное затишье».

На такую опенку обстановки у Григория Ивановича были все основания. Не проходило и дня, чтобы враг не давал о себе знать. Поверженный, он забился в щели гор, в лесные чащобы, откуда по ночам нет-нет да и громыхнут раскатистые выстрелы.

Григорий Иванович покачивает головой. Свежие холмики напоминают о недавних схватках. Ведь всего восемь месяцев отделяют от тех «Десяти дней, которые потрясли мир». Да, возраст нашей республики детский. И спешат, спешат недруги, чтобы не дать ей подняться на ноги, окрепнуть.

Волнующие и потрясающие события! От сознания того, что он является маленькой частицей их, душу переполняет гордость. А жизнь зовет. Сколько больших и неотложных дел ждет председателя Совета народного хозяйства! И Григорий Иванович с беспокойством поглядывает на присыпанную песком, обсаженную по сторонам сиренью дорожку, идущую от калитки к крыльцу. Он ждет своих друзей, посланников в Москву, избранных на пятый Всероссийский съезд Советов. В состав делегации входил и он, Григорий Иванович Балацкий. И вдруг — болезнь.

Услышал знакомые голоса. Скороговорку Ивана Пузырева, ему хрипловато кто-то отвечал: «Есть, есть!» Отрывисто, по-

солдатски. «Да это же Мефодий Чередниченко! — улыбнулся Григорий Иванович — Революционный штаб. Всегда на ходу, всегда в действии».

— Уля! — крикнул жене.

Но Ульяна Моисеевна, подвижная розовощекая казачка, уже встречала гостей. Они давно были знакомы. Ульяна вместе с ними шла тяжелыми путями боев.

Палисадник ожил. Бубнящий голос Тита Беседина, тенорок Михаила Мельникова, приглушенный баритон Афанасия Баранова. И в центре внимания, как всегда, смуглолицый, с военной выправкой, кабардинец Дауд Гутякулов. Шествие замыкали Иммолат Хубиев и Спиридон Савин.

— Что ж, можем открывать отдельский исполком,— садясь за стол, с улыбкой проговорил Пузырев.

— Да, выходит кворум, — согласился Балацкий.

Он переводит взгляд то на одного, то на другого. Смотрит на Ивана Прохоровича Пузырева. Помнит он его с первой встречи, как пришел к кубанским большевикам. С тех пор и вошел в душу — быстро и навсегда. В семье родным становится. Почему? — Не раз спрашивал себя Григорий Иванович. — Что за сила таится в нем? Щедрость открытого сердца? Чистота совести? Ясная правда? Искренность побуждений? Да, именно это. И, пожалуй, самое главное — воля. Железная воля!

Откуда у него все это? Кто подарил такого сына кубанской земле в трудные для нее времена? С баррикад огненного пятого года принес Пузырев слово ленинской правды в казачью станицу. «Сколько таких ручейков от партии в самую далекую глушь потекли?»,— думает Григорий Иванович.

Пузыреву и его соратникам, сидящим тут, хлеб-соль, уважение свое и веру принес народ.

Редкого обаяния человек этот

Прохорыч. Вот он сидит и смотрит на Григория Ивановича глубоким, проникающим в душу взглядом и, кажется, угадывает его думы. Темная прядь волос грачиным крылом ниспадает на лоб. Он машинально отбрасывает ее кивком и затягивается папироской. Доброта карих глаз не совпадает с крутой его натурой, каким знает Григорий Иванович секретаря Баталпашинского комитета большевиков. «Идешь к нему,— говоривали,— не колеси. Насквозь видит. Смотришь на него и думаешь: нет, такого человека обманывать нельзя, да если и вздумашь обмануть, все равно ничего не выйдет».

С тех пор, как изгнали атамана Косякина, отдельский исполком стал для людей родным домом. «Нашинская это власть,— говорили люди.— Атаману не было дела до нас. А тут свои, одинаковые. К доброму черкесу иди, в беде не оставит». Так называли Михаила Мельникова — заместителя председателя отдельского исполкома.

Если бы сказать людям, что это казак из Воровсколесской, ни за что бы не поверили. С черкесом говорил по-черкесски, с карачаевцем — по-карачаевски, с кабардинцем — по-кабардински. Всюду его принимали как сына гор, последним чуреком и миской арьяна делились. В обличье этого человека природа будто вложила от каждого народа те или иные черты. Смоляной отблеск волос, живые темные глаза, кофейный загар лица от степных ветров. Грудь туго обтянута черкеской с газырями. Он не расставался с нею. С детства жил среди черкесов и любил их обычаи.

Однажды Михаил вернулся из аулов с подвязанной рукой.

— Подкараулили? — кивнул Пузырев, глазами указывая на бинт.

— Подкараулили, сволочи.

А было это так.

Темнота ночи придавила аульские хатки, приплюснула их к крутым склонам. Тяжелые горы сдвинули над ними острые вершины. Узкий просвет осеннего неба, усеянный, звездами, казался светлой дорожкой.

После разговора с людьми у Михаила легко было на душе. «Снимут с себя вековую тяжесть люди,— думал он,— выйдут на простор и пойдут по этой дорожке». Резкий

выстрел прервал его мысли. Ослепило пламя. Он упал.

Потом кто-то бережно взял его, поднял.

— Жив! — слышались обрадованные голоса.

Это были юноши из той сакли, где он нашел себе приют. Высокая черкешенка сокрушенно качала головой и стонала:

— Так злодеи и моего сына, Исмаила, убили... Шкуровцы. Когда конец будет всему этому? Скажи?

— Будет конец, мамаша, скоро будет.

В продымленной комнате, тускло освещенной керосиновой лампой, все предметы выглядели призрачными. В простенке висел маленький портрет, вырезанный из газеты и вправленный в самодельную рамку. Ильич, заложив в карманы брюк руки, приподнял голову. Он будто шагал по аулу. «И сюда пришел Ленин!» — с гордостью подумал Мельников. Горянка, укутанная до глаз темным платком, ласково погладила сосновую рамку.

— Асхад, сын мой меньший, сделал. Этот человек, сказали мои сыны, несет бедным людям правду и счастье.

— Сыны твои правы, мать. Ленин о всех бедных думает. Вот прогоним врагов из гор, новую жизнь построим.

Как и горцы, вряд ли могли подумать туапсинцы, что скромный и тихий железнодорожный кассир Миша Мельников получал из центра «опасные грузы» и передавал их большевистским подпольщикам.

Так было и в Пятигорске. «За смутьянство» в двадцать четыре часа выдворили. То же произошло на бакинской земле. Солдатами с Даудом Гутякуловым были. Царские шпики с ног сбивались, а виновников в распространении большевистских листовок обнаружить не смогли.

Григорий Иванович смотрит на них, они и тут рядом. Всегда вместе, как родные братья. Удивительно схожи по внешности. Черноволосые, темноглазые. На все и всегда готовы, какая бы опасность ни грозила.

Отец Михаила, Владимир Семенович Мельников, однажды посадил рядом с собой сына и сказал:

— Сомневаюсь, чтобы цареву власть сбили. Но дорога у вас верная.

— Ничего, папань, своими глазами

увидите, как собьем.

— Да и так вижу. Станица раскололась, как переспелый арбуз.

Станичный сход делился на два лагеря: «за» и «против» новой власти. Старик стал рядом с сыном и его друзьями: Гаврилой Бервиновым, Немыкиным, Авиловым, Лариным-Аладиным, что по вечерам брошюры Ленина читали и людям о новой жизни рассказывали. А когда Владимир Семенович свел со своего двора единственного коня и последнюю пару волов на «укрепление ленинской правды», как он выразился, противники не могли простить ему. Подкараулили и закололи вилами.

Кто знает, может, те самые минуты непримиримой, жестокой борьбы и замкнули круг убеждений Михаила и той веры, которую вложили в его душу ленинские идеи.

Афанасий Баранов сидит неподвижно, положив большущие руки на колени. Он еще совсем молод, а на лбу глубокие залысины. Григорий Иванович глядит на узловатые руки. Откуда в них силища? И неумная отвага откуда? Неподвижен и спокоен Афанасий сейчас. Энергия во всем его теле дремлет, но стоит ей пробудиться, взметнется она подобно урагану. Таким не раз видел Григорий Иванович его в схватках. Таким он видел его в станице Отрадной. Казалось, положение было совсем безвыходное. Есаул Васильев подготовил мятеж, чтобы обезглавить советскую власть. Но эта ночь для врагов стала последней. Конники вихрем налетели на белобандитов. Афанасий на вороном жеребце ворвался в самую их гущу. Офицер снес ему шапку клинком, но тут же сам от сабельного удара повис на стремях.

...Было особенно тревожно. Наседали враги, а силенок маловато, каждый боец на счету. В этот момент и пришел к Пузыреву Афанасий Баранов. По-солдатски вытянулся перед ним, стройный и красивый. Было ему не более двадцати лет. Иван Прохорович потцовски любуясь, посмотрел на светловолосого юношу.

Недавно в партию Афанасия принимали. Взял красную книжицу от Пузырева и с трудом выдавил всего лишь два слова: «Оправдаю доверие».

И оправдал.

— Садись, Афоня, — пригласил Иван Прохорович.

Баранов, приглаживая прилипшие ко лбу волосы, сел.

— Слушаю тебя, Афоня.

— Разрешите поехать по аулам и станицам, насчет пополнения агитнуть.

Пузырев вышел из-за стола, раза два прошелся по кабинету, теребя подбородок, о чем-то раздумывая.

— Да вы не беспокойтесь, Иван Прохорович, — краснея, вставил Афанасий, — все будет хорошо.

Иван Прохорович подошел вплотную. На него глядели просящие глаза.

— Хорошо, Афоня, — положил на плечо юноши руку, — только возьми с собой надежных ребят.

В хлопотах и суете не заметили, как пролетело время. Афанасий Баранов привел конный отряд в пятьсот сабель.

Детство Мефодия Чередниченко прошло на кулацкой мельнице. Да и какое оно там было детство. Не видел его Мефодий. Но, как говорят, нет худа без добра. Пристрастился Мефодий к технике. Что знаешь, за спиной не носить. Так в жизни и получилось. Пригодилось, ох, как пригодилось Мефодию знание машины!

Это было в темную ночь. Белые не ожидали такой дерзости. Золотопогонники считали красных недисциплинированным сбродом. Что может понимать это скопище в технике! Но вот бронепоезд наварлся на разобранные рельсы и остановился. А тут из темноты раскатилось грозное «ура». Противнику ничего не оставалось, как покинуть бронепоезд. Но что было дальше... Снарядные разрывы обрушились на беляков... Бронированная громадина уверенно шла вперед, управляемая Мефодием.

Вскоре на боковине бронепоезда, вместо покрашенного «Михаила архангела», было выведено: «Коммунист».

— Это слово никто больше не зачеркнет, не перекрасит, — дописывая последнюю букву, сказал Мефодий

Пузырев улыбнулся.

— Ты, Мефодий, и дальше веди этого стального коня. Партия тебеверяет его.

...Минута молчания. Григорий Иванович взволнованно проговорил в тишине:

— Спасибо, спасибо вам, друзья!

Вспоминали о многом. Засиделись дотемна. Когда все вопросы, связанные с

поездкой в Москву, были решены, друзья разошлись.

Москва оглушила шумом. Никому из них в жизни не приходилось видеть столь людного города. Гремели трамваи, цокали копытами красивые лошадки, впряженные в фаятоны, на козлах которых еще по-старинке подпоясанные красными кушаками восседали бравые кучеры. Проносились, дымя, грузовики с солдатами, кузова щетинились штыками. Стены, деревянные щиты пестрели плакатами, указами.

Москва кричала, предупреждала, звала...

Казалось, все тут наполнено напряженностью. Тревога идет из глубин страны. И в то же время ощущение уверенности, воли, направляемой незримой силой. Москву нельзя отделить от той борьбы, которая идет всюду. Ее нельзя отделить от своего сердца, как Ленина немислимо отделить от народа.

Длинные коридоры гостиниц начали заполнять делегаты: опаленные сражениями солдаты, матросы в бескозырках, горцы в черкесках с газырями, рабочие в робах. Они собирались группами, жарко, запальчиво спорили, часто упоминали имя Ленина.

Михаил вспомнил саклю далекого аула, где горянка гладила рукой самодельную рамку портрета, ее взгляд. И у него поднялось такое желание увидеть во что бы то ни стало Владимира Ильича Ленина, услышать его голос, что Михаил не находил себе места.

У дверей номера его ждали Пузырев, Хубиев и Савин.

— Где пропал?— спросил Пузырев.

— Походил... Послушал,— не сразу ответил Михаил.— Боя не миновать. Эсеры ярятся...

Пузырев отмахнулся. По своему оптимистическому складу и беспредельной вере в дело партии, Иван Прохорович никогда не допускал мысли, чтобы нашлась такая сила, которая могла бы иметь успех в борьбе с большевиками. «Что они могут противопоставить нашей партии, Ленину? С нами народ, а с эсерами — кучка злопыхательствующей буржуазии, которая потеряла почву под ногами, да еще кулачье, лавочники».

— Конечно,— соглашался он с Мельниковым,— боя не миновать. А какой

шаг за советскую власть давался нам без боя?

То, что случилось несколько дней спустя, полностью подтвердило беспокойство и тревогу делегатов.

Зал был разделен на две половины. Никто об этом не предупреждал. Но делегаты по какому-то чутью оказывались на своей половине. Сама жизнь провела этот раздел.

Представитель «левых» эсеров Спиридонова говорила долго и нудно. Она жаловалась на неустройство своей партии, что с нею не считаются. Зал ее не слушал. Только с эсеровской половины иногда доносились хлопки да одобрительные возгласы.

— Свой свояка видит издалека,— склонил голову к Михаилу Пузырев.

Услышав Пузырева, Гутекулов добавил:

— Ишь ты, как по ее выходит: эсеры деятели, а большевики бездеятельные.

Весь зал возрился в одну точку — боковую дверь, выходящую на сцену. Ждали с нетерпением. Вот он торжественно, с высоко поднятой головой, каким его знали по портретам, выйдет и предстанет перед всеми делегатами. «Ленин давно тут,— произнес кто-то,— да, да. Вон там в уголке с сормовскими рабочими сидит».

Вдруг все, как подхваченные ветром, встали. Даже на половине оппозиции многие не удержались. Ленин легко и быстро поднимался по ступенькам. Улыбаясь прищуренными глазами, он успокаивающе поднял руку.

Михаил глядел во все глаза, видел только его — Ленина. Ни эффектных жестов, как это было у эсеровского оратора, ни высокопарных слов. Неотразимой логикой он опровергал «доводы» предыдущего выступающего и давал оценку речи его, как «чрезвычайно возбужденной». Он говорил о существовании Брестского договора, тяжелого, но необходимого для передышки, республики.

С эсеровской половины раздались недовольные голоса. Эсеры явно нервничали и с каждой минутой нагтели, перебивая Ленина. Но он, казалось, не замечал этого ж спокойно, деловито продолжал свою речь.

В том месте, когда Ленин подчеркивал важное значение создания новой организованной, дисциплинированной армии,

как опоры революционных завоеваний, высокий сухопарый, с острой бородкой эсер, вскочил и зычно бросил: «Керенский!». Но шумные рукоплескания, поддерживающие Ильича, заглушили этот истерический выкрик.

— Вот их надежда, — негодовал Баранов, — и они хотят, чтобы народ был с ними.

— Ленин бьет их спокойствием, — заметил Дауд с улыбкой.

И будто услышав мысль сына далеких гор, Ильич произнес: «Как бы на любом собрании они ни кричали, их дело безнадежно в народе».

В лагере эсеров стоял невообразимый шум, но неистовое рукоплескание покрывало его. Мельников до боли бил в ладоши, пока его за рукав не дернул Гутякулов, кивая на сцену; слушай, мол.

«Меня нисколько не удивляет, — продолжал Ленин, — что в таком положении, в каком эти люди оказались, только и остается, что отвечать криками, истериками, руганью и другими выходками, когда нет других доводов...»

«Есть доводы!» — кто-то бросил со скамьи эсеров.

— Какие у вас могут быть доводы? — не выдержал Афанасий Баранов. — Керенский и империалисты?

Иван Прохорович стиснул его руку.

— Враги беснуются тогда, когда Ленин бьет их в самое сердце, — с нескрываемым торжеством сказал он. — Этому человеку присуще наступать. Верой в правоту истины он наповал кладет врагов.

А голос звучный, полный силы и уверенности, с чуть заметной картавинкой, тем временем ложился в залу и вызывал бурю одобрения.

Ленин говорил, — словно прислушиваясь к биению сердца каждого делегата и всей страны. Так может говорить только тот, кто убежден, что его поймут и пойдут за ним.

«Мы знаем, — звучал его голос, — что революция есть такая штука, которая изучается опытом и практикой, что только тогда революция становится революцией, когда десятки миллионов людей в единодушном порыве поднялись как один».

После этих слов Ленин долго не мог продолжать. Шквал аплодисментов заполнял огромный зал.

...Делегаты вернулись в гостиницу. Сидели молча. Они были переполнены незабываемыми впечатлениями. Каждый думал о своем месте в жизни. И могли ли они предполагать, что через многие десятилетия история напомнит потомкам о великом счастье, выпавшем на их долю. И тем более, было ли в мечтах у них, что через час-два они лично предстанут перед Ильичом. Нет, в самом прекрасном сне, какие только бывают в жизни, не мог явиться этот счастливый случай.

В небольшой приемной их уже ждали. Улыбчивые, окрыленные, выходили из кабинета уральские рабочие. В приоткрытую дверь до их слуха донесся знакомый голос: «Хорошо, Феликс Эдмундович, встретимся через час. Побеседую с кубанскими товарищами и встретимся».

Теперь представилась возможность разглядеть Ленина близко. Каждую черточку. Крупную с восковым отблеском голову. Живые, приветливые, в узком прищуре глаза. Чуть заметную улыбку в уголках губ. Он располагал. Куда делась оторопь! Каждый почувствовал себя свободно, как в родной семье, Ленин вышел из-за стола и пожал, поочередно, всем руки. Один Чередниченко, растерявшись, стоял посреди комнаты. Это не ускользнуло от Ильича. Он еще больше улыбнулся и глазами, и всем лицом, быстро подошел к Чередниченко, взял его за руку выше локтя.

— Садитесь, товарищ, и почувствуйте себя как дома.

Ленин, прежде всего, поинтересовался здоровьем кубанцев, их жизнью. Затем спросил, как встретили новую власть, какой ожидается хлеб? Внимательно выслушав гостей с Кубани, Владимир Ильич сказал:

— Враги постараются использовать трудности, но мы трудности будем преодолевать, а врагов — бить нещадно.

Делегаты заверили Владимира Ильича, что на кубанцев можно положиться — они не подведут.

...Волнующая ночь. Вернувшись в гостиницу, делегаты легли поздно и все равно никто глаз не сомкнул. Хотелось говорить, говорить без конца. Делиться об этих часах и минутах, насыщенных столь необыкновенными событиями. На всю жизнь запомнятся.

Незаметно и нескоро затихло вокруг. И в этой тишине особенно резко раздался тревожный стук.

— Делегаты, выходи!— кто-то повелительно повторял у каждой двери.

Через минуту пустынный коридор гудел от топота ног. Мефодий свесил ноги с кровати, моргал непонимающими глазами. Михаил встряхнул его.

— Тревога!

Мелькнула догадка. Нет, это невероятно, чудовищно! Но враг способен на все. Революция — это борьба, схватка не на жизнь, а на смерть.

Когда встали в строй, коренастый военный, подпоясанный широким желтым ремнем, спокойно сообщил:

— Эсеры подняли мятеж.

Пузырев сказал рядом стоявшему Баранову так, как будто для него это не было новостью:

— Враги верны себе. Бессильны сделать что-либо словами, решили попробовать оружием.

— Ответим тем же, — запальчиво вставил Баранов.

— Этого надо было ждать,— сказал Мельников.

Мефодий Чередниченко сокрушенно покачивал головой,

— Подлецы!

Мятеж был подавлен, а вместе с ним — разрушены надежды внутренней и внешней контрреволюции. Кубанцы собрались все, а некоторым делегатам не было суждено вернуться к своим семьям.

Утирая сочившуюся кровь на лбу, Спиридон Савин с негодованием произнес:

— Маска сорвана. Вот он волк в овечьей шкуре. Не верил я ни одному их слову. Духа их не переносил. Там, где фальш, там и подлость.

— Не спорить, а добивать их надо, — высказался Гутякулов.

Теперь стало ясно, кто заносил нож в спину революции. Негодованию делегатов не было предела. Каждый клялся в душе, где бы он ни был, драться до последнего дыхания. Их мысль, волю выразил Ленин спустя несколько дней после этих событий. Он призвал народ беспощадно расправляться с предателями. Он предостерег об опасности, о том, что тучи сгущаются, что авантюра левых эсеров пре-

ступна в глазах всего народа.

Да, тучи сгущались. Обстановка осложнялась не по дням, а по часам. Нашим делегатам надо было менять путь возвращения. Центр отрезан от Юга у Тихорецкой.

...Пенистые гребни Волги бились о крутые берега. Пароход быстро шел по течению. В то время было не до прогулок. Бесшабашные купеческие прихоти на пристанях стали забываться. Тем более вызывало интерес обывателей появление этого нежданного красавца с крупными голубыми буквами на борту: «Гурьевец».

В тех портах, куда он заходил ненадолго, экипаж и хозяева почти не проявляли интереса к встречавшим. Местные купчишки торопливо выбегали к берегу, поясню кланялись, наперебой предлагали свои услуги, намекали на выгодные сделки.

Но приезжие купцы не предлагали своих товаров. Вопреки исконным обычаям, они на пристань не сходили, чтобы бражкой побаловаться. Важно стояли на борту, попыхивая сигаретами.

Особенно выделялись из них трое. Все в фетровых шляпах, черных костюмах, с белокипенными манишками, с золотыми цепочками на жилетах. Молодые, здоровые. Один плотный, плечистый, с короткими черными усиками. В глазах — озорная смешинка. Другой -высокий, худощавый блондин. Серые, с легкой подсинькой глаза внимательно следят за движением каждого на пристани. Третий — темнолицый, с суровым видом, похож на горца. А поодаль — моряки. Один с аккуратной рыжей бородкой, остальные безбородые, все рослые, коренастые.

— Что бы они, эти купчишки, запели от нашего товара?— с усмешкой проговорил усатый.

— Сначала разлетелись бы, как мухи,— ответил блондин.— Потом жандармов привели.

Это были: Михаил Мельников, Афанасий Баранов и Дауд Гутякулов. «Моряки»: Спиридон Савин, Тит Беседин, Иммолат Хубиев, Иван Пузырев и Мефодий Чередниченко.

На одной из больших пристаней, едва пароход пришвартовался, к трапу подошли жандармы и двое в штатском. Мельников

твердым шагом пошел им навстречу.— «На борт — никому ни шагу, — вспомнил он указание коменданта Кремля.— Допустить в трюмы — смерти подобно».

— Чем можем служить?— независимо и строго спросил Мельников, преградив путь жандарму.

— Ваши документы?

Мельников небрежно достал из кошелька гербовую бумагу.

— Извольте.

Жандарм долго разглядывал написанное, потом вытянувшись, поднес пальцы к виску. «Купцы первой гильдии», услужливо шепнул он штатскому.

— Знаете, как теперь...— виновато проговорил жандарм.— Время смутное... И вы, господа, не без риску едете. Юг большевиками кишит.

— Да-а, время не из легких,— понимающе сказал Мельников.

Штатские косо поглядывали снизу вверх на Баранова и Гутякулова, которые беседовали между собой, делая вид, что не обращают внимания на обычную полицейскую процедуру.

Берег уплывал. Михаил думал: «Пронесло и на этот раз». В ушах звучало: «Во что бы то ни стало доставить этот груз революционной армии. От этого зависит успех борьбы с белогвардейщиной». Это был наказ Кремля, это был призыв Ленина.

Надо было благополучно добраться до Астрахани, потом провезти груз степью до Святого Креста и дальше — до Минеральных Вод. Никто из делегатов не сомневался, что так и будет. Они знали, что значит преодолеть астраханские и калмыцкие степи. Это тоже «самые большие крутизны», о которых предупреждал Владимир Ильич. И в шуме волны, которую уверенно режет «Гурьевец» будто слышат они: «устоите ли вы?» Ответ можно было найти в их спокойной решимости.

Изнуренные невероятными трудностями пути, делегаты вернулись в Минеральные Воды. Их встретил С. М. Киров.

— Молодцы «купцы»! — приветствовал он, — «Багаж» очень кстати.

Получилось у вас здорово, друзья. Очень здорово! — Киров пощупал кипы газет, брошюр, листовок.— И это очень кстати. Оружие не менее боеспособное в данный

момент.

Г. И. Балацкий дожил до наших дней. За три года до смерти он посетил места боевой славы, в том числе Ставрополь, где встретился с автором этого очерка. Пузырев перед приходом фашистских оккупантов на Ставрополье, ослепший и ослабевший, эвакуироваться не мог, и, чтобы не быть жертвой врага, покончил с собой. Баранов умер будучи директором совхоза на Украине. Чередниченко умер от тифа в Астрахани. Гутякулов в 1928 году был зверски убит контрреволюционерами-националистами. Мельников после смерти Беседина возглавлял Баталпашинский отдельский исполком. Погиб от тифа в астраханских песках при отходе 11-й Красной Армии.

